

УДК 3; 32.019.52

В.Г. Скочилова

ИДЕОЛОГИЯ КАК СИМВОЛИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Идеология представлена как символическая система, структурирующая идеальную сферу политики и обеспечивающая восприятие политического пространства. Особое внимание уделено особенностям существования идеологий в субъективном измерении, уровню и характеру её личностного восприятия.

Идеология определила свое существование как некий идеальный концепт, с появлением которого людям были предложены систематизированные методы ориентации в политике и целенаправленной деятельности. Являясь средством проектирования действительности, идеология определяет форму и характер существования ментального в реальном политическом мире. Она конструирует и преобразует картину мира – то «внутреннее измерение реальности» [1. С. 6–7], которое преломляется сквозь призму идеологии.

«Картина мира» как явление, определяющееся культурными и историческими факторами, складывается в том или ином сообществе в конкретное данное время и при соответствующих конкретных условиях развития этого сообщества. «Картина мира» – объективно формируемая, но субъективно конструируемая форма отображения действительности, определенный способ концептуализации действительности, являет собой воплощение «выработанных обществом и субъектом культурных форм, уровней и степени самоопределения и характера отношения, человека к действительности, раскрывая эту связь в четко определенной сфере её проявления...» [2. С. 40]. В данном случае одной из таких конкретных сфер и предстает идеология.

По словам А.И. Соловьева, «идеальный компонент морфологически закреплён в политическом факте» [3. С. 6], существование которого определяется посредством приписывания ему значений, отражающих процесс коммуникации внутри властных отношений. Именно придание факту определенной знаковости закрепляет за ним некоторое идеальное значение.

«Идеализация вообще есть представление одного бытия *через другое* или в *форме* другого, то есть (во-первых) воображение и преобразование или (во-вторых) осмысление и переосмысление последнего (бытия). Наконец, идеализация действительности – это предпосылка и непереносимое условие образования и преобразования общественной жизни, а также её воспроизводства в качестве таковой (как образованной или преобразованной)» [4. С. 6]. При этом идеализация политической действительности является подвидом идеализации социальных и общественных отношений.

Идеальное определяет себя как политическую действительность, равно как и характеризует природу «политического», понимаемого нами как сфера

обыденной жизни, лежащая между, во-первых, практикой управления как особым родом деятельности и социальных отношений (политикой) и, во-вторых, механизмом перераспределения, определяющим стиль отношений внутри политики¹.

Обыденная жизнь (или наиболее часто используемый в феноменологической традиции термин «повседневная жизнь») выступает как реальность, субъективно интерпретируемая индивидами. «Это мир, создающийся в их мыслях и действиях, который переживается ими в качестве реального» [5. С. 38]. Подобные интерпретации обыденной/повседневной жизни в обыденном сознании воспринимаются как само собой разумеющиеся и очевидные, поскольку индивид переживает и интерпретирует мир внешних или субъективно им полагаемых объектов, обладающих определенными характеристиками, как существующий и организованный независимо от его понимания. По А. Шюцу, «этот опыт в форме «наличного знания» (knowledge at hand) выступает как схема, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания» [6. С. 131]. И далее: «Человек в любой момент его повседневной жизни находится в биографически детерминированной ситуации, т. е. в определенной им самим физической и социокультурной среде. В такой среде он занимает свою позицию. Это не только позиция в физическом пространстве и внешнем времени, не только статус и роль в рамках социальной системы, это также моральная и идеологическая позиция» [Там же].

Идеологии как компоненты обыденного сознания являются эмоциональными образами социально-политического мира, но и своеобразными способами субъективации, а вместе с тем и рационализации действительности. По сути сама идеальная модель рациональна, поскольку изначально происходит сознательное противопоставление «реального» и «идеального». Идеология задает систему координат и определяет видение вещей, но единственным источником легитимности идеологии может стать только тот, на кого непосредственно направлено идеологическое воздействие. Таким образом, действия и мнения зависят не от всеобщих критериев, а от рамок, заданных легитимностью.

Идеальное измерение, структурирующее политическую жизнь, также формируется в рамках наличной культуры с имеющимися в ней символами, знаками, смыслами и значениями. Как духовная практика политической жизни идеология символизирует «политическое», отражая тем самым субъективное измерение политической реальности. Собственно, являясь символической системой, направленной на формирование символических образов, идеология уже имеет в своем арсенале общепринятые культурные символы, задающие и поддерживающие социальные связи политических агентов. Идеология позволяет всякому отдельному индивидууму, классам, социальным слоям, стратам или всему обществу в целом рассматривать каждый конкретный факт как проявление целостного мира политики. Идентифици-

¹ При этом необходимо отметить, говоря об идеальной практике политической жизни, мы не означаем, в сущности, определение чего-то наилучшего, здесь подразумевается мыслительный, рациональный характер феномена идеологии.

руясь с идеологией, индивид принимает её за основание реальности, включается в символическое поле, создание которого есть способность во всех событиях и явлениях увидеть проявление одной сущности. При этом идеологическое содержание может меняться, но символическое поле может сохраниться и будет обеспечивать правильную (нужную, актуальную) трактовку явлений и сути происходящего.

Реальность, как социальная, так и политическая, создается и поддерживается сознанием индивидов здесь и сейчас. Политическое пространство структурируется intersубъективно политическими акторами и объективируется вне их деятельности посредством культурных артефактов, в том числе символов, которым приписывается определенный смысл. Символизация организует восприятие политического пространства и структурирует идеальную сферу политики. Символические формы не просто артикулируют или скрывают социальные отношения и интересы, но конституируют социальные отношения как таковые. Символический характер политической реальности предполагает при этом особого рода политическую коммуникацию, которая в данном случае понимается нами как уникальный способ информационной связи между политическими акторами, действующими в политическом поле и осуществляющими властную конкуренцию.

При этом необходимо отметить, что, определяя идеологию как символическую систему, мы подразумеваем определенный контекст, предполагающий отношения власти, господства и влияния. И сама идеология выступает как проявление символической власти. Не всякие политические практики, носящие символическую форму, возможно наделить идеологическими функциями, но лишь те, которые способны обеспечить легитимацию или делегитимацию существующего порядка. Идеология задает и определяет те способы, в которых значения, мобилизованные посредством символических форм, служат установлению и поддержанию определенного порядка. Феномен же идеологии базируется на специфике отображения мира и практически уникальных способах осуществления властной конкуренции и коммуникации [7. С. 8–9]. Символическая коммуникация, являясь уникальным типом властного принуждения, предполагает высокий адаптационный потенциал среды. Процесс адаптации суть «понимание человеком силы и ресурсов верховной власти, а следовательно, осознание им потенциальной угрозы...» [3. С. 7], зафиксирован в символах. В таком контексте идеология выступает как особая форма символического принуждения. Такое действие само по себе выступает как символ, использующий символические ресурсы для легитимации и упрочнения существующего политического порядка.

Специфика русской политической культуры определила конфигурацию политического пространства и дальнейших способов властной легитимации в России. Жесткая вертикаль власти с четко определенным центром культивирует безусловное и одностороннее доверие к себе. Каких бы очертаний и форм не принимала идеологическая модель в тот или иной период истории России, единство общества обеспечивается на основе архаических символических схем, упрощающих понимание мира политики. Базовый этос в российских представлениях о власти основывается на символическом «собор-

ном» единстве общества, в центре которого возвышается сакральная фигура лидера, олицетворяющего и самое власть, и государство.

В современной России не выстраиваются основы для перехода к качественно иной мотивации деятельности индивида и общества в целом, нежели мотивирование патриотических чувств. Смысловое подразумевание в идеологии традиционных символов и знаков, переживаемых индивидом как нечто внутреннее и безусловное, захватывает эмоционально. Однако национальную идеологию придумать нельзя, иначе она навсегда останется плодом фантазии, не имеющим отношения к жизни. Ее можно только выразить. Она созревает в толще национальной культуры, и в сущности носителем национальной идеи является сам народ. Реальность в российском традиционном (идеализированном и мифологизированном) сознании непременно подвергается оцениванию. М. Вебер в начале XX в., говоря о политических процессах в современной ему России, заметил: «Резкие смены бешеной активности и полного подчинения обстоятельствам вытекают из того, что этически нейтральное не признается существующим или чем-то таким, что может иметь “ценность”, а стало быть, и заслуживать активности» [8. С. 21–22].

Формально в нынешней России власть стремится к «объективности», избавляясь от последних остатков сакральности. Однако же, определяя себя исключительно функционально и выражая идеологию посредством социальных институтов, действующих в рамках заданной идеологической ценностной системы, непременно возвращается к необходимости подтверждения аутентичности харизмы и опирается на традиционализм русского политического сознания. В этом заключается своего рода успех современной российской идеологии: идеологический конструкт предстает как незавершенный, и его открытость еще более воздействует на сознание индивидов, которые включаются в достраивание представлений и образов, тем самым самоидентифицируясь в политической реальности.

Литература

1. Щербинин А.И., Щербинина Н.Г. Политический мир России. Томск: Водолей, 1996.
2. Сайко Э.В. Субъектное выполнение *социального* пространственно-временного континуума // Субъект во времени социального бытия: историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции. М.: Наука, 2006.
3. Соловьев А.И. Политическая идеология: логика исторической эволюции // Полис. 2001. №2.
4. Федоров И.А. Парадигмы философии социального преобразования (античность и христианство). СПб.: Издательский дом «Мирь», 2006.
5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 38.
6. Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 131.
7. Соловьёв А.И. Политическая идеология в российском транзите: возможности и пределы влияния // Власть. 2001. №8.
8. Вебер М. О России. Избранное. М.: РОССПЭН, 2007.